

УДК 159.923.33

UDK 159.923.33

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСПОЗИЦИЙ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DYNAMICS OF STUDENTS' SOCIO-POLITICAL DISPOSITIONS: THE PSYCHOLOGICAL ASPECT

Н. Л. Бортулева,

магистр психологических наук, аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8225-9199>

N. Bortuleva,

Master of psychology, Ph.D. student of department of developmental and educational psychology Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-8225-9199>

Поступила в редакцию 17.04.2024.

Received on 17.04.2024.

В статье представлены результаты исследования динамики социально-политических диспозиций студентов на общенациональном и региональном уровнях. В исследовании принял участие 1451 человек. Показано, что на динамику диспозиций оказывает влияние фактор региона проживания, а также фактор образования – опосредованно через смену региона проживания в связи с обучением: показатели диспозиций респондентов изменяются в соответствии с тенденциями, характерными для респондентов региона обучения. Полученные в процессе эмпирического исследования результаты могут быть использованы для разработки и обоснования инновационных моделей, обеспечивающих формирование патриотизма, гражданственности, гуманистического мировоззрения в условиях поликультурного общества.

Ключевые слова: черта личности, диспозиция, социально-политическая диспозиция, динамика диспозиций, личностный опросник.

The article shows the results of scientific research on the dynamics of socio-political dispositions of students at the national and regional levels. 1,451 people participated in the study. It is shown that the dynamics of dispositions is influenced by the factor of the region of residence, as well as by the factor of education - indirectly through the change of the region of residence in connection with education: the indicators of respondents' dispositions change in accordance with the trends characteristic of respondents in the region of education. The results obtained in the process of empirical research can be used for the development and substantiation of innovative models that ensure the formation of patriotism, citizenship, humanistic worldview among young people in a multicultural society.

Keywords: personality trait, disposition, socio-political disposition, dynamics of dispositions, personality questionnaire.

Введение. Диспозиция в самом общем смысле – это упорядоченное расположение элементов, которые находятся в определенных отношениях друг с другом. В частных случаях употребления термин можно понимать как готовность, осознанная либо неосознанная тенденция к определенным действиям, а также гипотетическая организация личности, выражающаяся в такой готовности; фиксированная социальная установка определенной реакции на события; склонность человека быть особенно восприимчивым, чувствительным к чему-либо [1, с. 120].

Понятие диспозиции как готовности или предрасположенности субъекта к какой-либо форме активности было операционализировано в так называемом диспозициональном направлении в психологии и социологии (Г. Ю. Айзенк, Р. Кеттелл, Г. Олпорт, В. А. Ядов). Диспозициональное направление базируется на дихотомии: склонности личности реагировать на различные ситуации, демонстрируя определенное постоян-

ство мыслей и поступков, обусловленных совокупностью присущих этой личности черт, а также на положении о принципиальном различии личностей вследствие наличия характерных черт (или индивидуальных диспозиций) [2, с. 270]. Мы понимаем *социально-политическую диспозицию* как частный вид диспозиций, т. е. совокупность личностных черт, определяющих субъективную предрасположенность к определенной форме активности (поведения и мышления), восприятию существующей социально-политической ситуации, ее оценке и готовности к последующим действиям, что находит свое конкретное выражение в предпочтениях в сфере социальной и политической жизни.

Анализ проблемы факторов формирования и динамики диспозиций личности показывает многообразие подходов и ее междисциплинарный характер. К таким факторам относят: особенности семейного воспитания – детско-родительские отношения, порядок рождения, семейную структуру (Т. Адорно, Г. Айзенк, Г. Олпорт,

В. Райх, Ю. Д. Черткова); систему государственного образования и управления (С. И. Барзилов, А. А. Малькевич, А. Маслоу, О. В. Суворова, Э. Фромм); факторы возраста и пола (Дж. Джост, Ю. Д. Черткова, Е. Б. Шестопап); наследственность (Г. Ю. Айзенк, Э. Белл, Дж. Джост, Р. Клонингер, Т. Петтигрю); социально-экономические и идеологические факторы – экономические и политические кризисы, внешние угрозы, социальные перевороты, межэтнические и национальные конфликты, идеологические установки, ценности, политические предпочтения, образцы социального и политического поведения (Е. Р. Агадуллина, Т. Адорно, Г. Айзенк, Дж. Дакитт, Дж. Джост, Г. Дилигенский, Д. Осборн, М. Рокич).

Г. Г. Дилигенский выделяет 4 наиболее распространенных подхода к детерминации социально-политических диспозиций: ситуационный (исторический), социологический, манипулятивный и индивидуально-психологический [3, с. 296–300]. Настоящее исследование соотносится с индивидуально-психологическим подходом, которому также соответствуют когнитивный, ценностный и биоэволюционный подходы. Когнитивный подход (Д. В. Ольшанский, Е. В. Пушкарева, Е. Б. Шестопап, А. И. Юрьев) концентрирует особое внимание на способах формирования у человека знаний об устройстве общества [4, с. 14–39]. Ценностный подход (В. С. Магун, Г. Олпорт, М. Рокич, А. В. Селезнева, Ш. Шварц, Э. Шпрагнер, В. А. Ядов) выделяет политические ценности как частный вид ценностных ориентаций. Исследование J. Lewis и T. Bates подтверждает, что личностные характеристики оказывают влияние на политические ориентации опосредованно – через моральные ценности [5, с. 1–13]. С развитием возможностей применения в психологических исследованиях высокоточной медицинской аппаратуры, возрастает интерес ученых к исследованию диспозиций с точки зрения *биоэволюционного (генетического) подхода* [6; 7, с. 55–64; 8, с. 56–61, 207–222]. В 2014 г. Дж. Джост опубликовал статью «Политическая нейрология: начало прекрасной дружбы», в которой обозначил новый вектор исследований на стыке политологии, психологии и когнитивной нейрологии и четыре ее основные области: расовые предрассудки и межгрупповые отношения, мотивированное политическое познание, различия в «левых» и «правых» политических ориентациях, пространственная структура политических установок [7, с. 3–7].

В Республике Беларусь изучение заданного проблемного поля проводится, в основном, в рамках социологических и политологических (Е. Бабосов, В. Бущик, Н. Канашевич, Т. Милова, М. Мясникович, П. Никитенко) трудов. Актуальность темы исследования определяется

недостаточной теоретической разработанностью в психологической науке понятия социально-политической диспозиции личности.

Конкретно-методологической основой настоящего исследования является теория Г. Айзенка, согласно которой диспозиции имеют четырехуровневую иерархическую структуру. Основу иерархии образует уровень специфических и обычных мнений. Они группируются вокруг центральной темы и образуют уровни более высокого порядка – точек зрения и идеологии [10, с. 110–114]. Г. Айзенком была разработана методика оценки социально-политических диспозиций, в которой 7 биполярных шкал-континуумов (черт личности): «строгость – дозволенность», «антирасизм – расизм», «атеизм – религиозность», «капитализм – социализм», «антилиберализм – либерализм», «прогрессивность – реакционность» и «милитаризм – пацифизм» образуют 2 биполярные диспозиции «радикализм – консерватизм» и «жесткость – мягкость» [11, с. 198–199; 12]. Эти диспозиции (факторы) были подтверждены в Японии, Франции, Германии и Швеции [13]. Синтез идеологического (радикализм – консерватизм) и характерологического (мягкость – жесткость) компонентов образует диспозицию высшего уровня, или тип личности: радикальный мягкий, радикальный жесткий, консервативный мягкий и консервативный жесткий.

Организация и методика исследования. Цель исследования – выявить особенности динамики социально-политических диспозиций студентов в зависимости от факторов *образования, региона проживания, смены региона проживания*. Исследование было проведено в 2022–2024 гг. при участии 1451 студента 1–4 курсов в возрасте от 17 до 23 лет ($n = 19,16$), из них 1099 девушек и 353 юноши. В качестве базы исследования выступили университеты шести областей Республики Беларусь: БрГУ им. А. С. Пушкина, ПГУ им. Ефросинии Полоцкой, ГГУ им. Ф. Скорины, ГрГУ им. Я. Купалы, МГУ им. А. А. Кулешова, БГПУ, БНТУ. Был использован «Короткий опросник социально-политических диспозиций» [14–16]. Различия между выборками были выявлены с помощью t -критерия Стьюдента с проверкой гомогенности дисперсий по критерию Левена (в случае различия дисперсий был использован U -критерий Манна – Уитни). В статье указаны только статистически значимые различия (от $p < 0,05$ до $p < 0,01$).

Результаты и обсуждение. С целью изучить влияние **фактора региона проживания** на динамику социально-политических диспозиций, исследуемая выборка была разделена на 6 групп в зависимости от области постоянного проживания студентов (проживания родителей

ской семьи). Анализ различий средних показателей черт дозволенности, расизма, религиозности, социализма, либерализма, реакционности и пацифизма, а также диспозиций консерватизма и жесткости позволил установить, что респондентов, постоянно проживающих в Брестской и Гродненской областях (*юго-западный регион*), а также респондентов, постоянно проживающих в Гомельской и Могилевской областях (*юго-восточный регион*), можно рассматривать как единые группы: статистически значимые различия не выявлены ни по одной переменной. Респонденты, постоянно проживающие в Витебской области (*северный регион*), а также респонденты, постоянно проживающие в Минской области (*центральный регион*), достоверно отличаются от остальных, что позволяет выделить их в самостоятельные группы. Различия в социальных представлениях белорусских студентов разных регионов (западном, восточном и центральном) получены также в исследовании О. В. Гринкевич [17, с. 54–55].

В целом для респондентов из *юго-западного региона* характерен консервативный мягкий тип диспозиции (40,08 %), самые высокие по выборке показатели религиозности (13,83), либерализма (37,61), реакционности (26,67), пацифизма (23,07) и самые низкие – дозволенности (38,56) и жесткости (-21,03). Для респондентов из *юго-восточного региона* характерен радикальный жесткий тип диспозиции (32,75 %) и самый высокий показатель социализма (50,78). Для респондентов из *северного региона* – радикальный жесткий тип диспозиции (43,78 %) и самые высокие по выборке показатели дозволенности (42,06) и жесткости (-10,31) и самые низкие – расизма (14,18), религиозности (10,94), социализма (49,11), реакционности (24,20) и консерватизма (-122,93). Для респондентов из *центрального региона* – радикальный жесткий тип диспозиции (29,26%) и самые высокие показатели расизма (15,81) и консерватизма (-91,08), самые низкие по выборке – либерализма (36,42) и пацифизма (21,38). Выявлены достоверные различия выраженности диспозиций консерватизма и жесткости между всеми регионами, за исключением двух частных случаев: юго-западный и центральный регионы имеют одинаковый уровень консерватизма, а северный и центральный – жесткости.

Анализ типологии студентов в зависимости от фактора образования позволяет установить, что среди студентов 1–4 курса наиболее распространены радикальный жесткий и консервативный мягкий типы личности. При этом у студентов 1 и 3 курсов лидирует радикальный жесткий тип (35,31 и 30,51 % соответственно), а у студентов 2 и 4 курсов – консервативный мягкий (30,45

и 36,23 % соответственно) типы. Консервативный жесткий и радикальный мягкий типы личности занимают третье и четвертое место по степени распространенности на всех курсах. Установлено, что первокурсники имеют самые высокие по выборке показатели дозволенности (40,54) и либерализма (37,54) и самые низкие баллы расизма (14,66), религиозности (12,07), реакционности (25,44) и консерватизма (-109,44), чем достоверно отличаются от студентов второго, третьего и четвертого курсов. Четверокурсники больше всего отличаются от первокурсников: меньшей дозволенностью ($m_1 = 40,54; m_4 = 38,59; t = 3,42$), и большими религиозностью ($m_1 = 12,07; m_4 = 13,00; t = -2,58$), реакционностью ($m_1 = 25,44; m_4 = 26,62; t = -2,65$), консервативностью ($m_1 = 109,44; m_4 = -97,07; t = 2,44$) и мягкостью ($m_1 = -14,35; m_4 = -18,64; t = 2,86$). При этом студенты первого и четвертого курсов имеют противоположные показатели (самые высокие – самые низкие) по указанным шкалам. Студенты второго и третьего курса отличаются в большей степени от первокурсников (по пяти показателям в обоих случаях), чем от студентов четвертого курса (второй и четвертый курс не отличаются вовсе, третий и четвертый – по трем переменными из девяти).

Изучение влияния фактора образования на динамику социально-политических диспозиций студентов в зависимости от фактора смены региона проживания было проведено в три этапа. На первом этапе изучена динамика черт и диспозиций у студентов, которые не меняли регион проживания в связи с обучением (т. е. обучаются в регионе проживания родительской семьи). С этой целью были сформированы четыре однородные группы. В первую группу вошли 340 студентов БрГУ и ГрГУ, постоянно проживающие в юго-западном регионе. Во вторую группу вошли 240 студентов ГГУ и МГУ им. А. Кулешова, постоянно проживающие в юго-восточном регионе. Третью группу составили 193 студента БГПУ, постоянно проживающих в центральном регионе. Четвертая группа – 105 студентов ПГУ, постоянно проживающих в северном регионе.

Анализ средних показателей респондентов юго-западного региона, не обнаружил достоверных различий между 1–4 курсами за исключением трех частных случаев: студенты 1 и 2 курса различаются по уровню выраженности пацифизма ($m_1 = 23,03; m_2 = 24,46; t = 3,34$) и жесткости ($m_1 = -1987; m_2 = 26,46; t = 2,64$), а также студенты 1 и 4 курса – по уровню выраженности пацифизма ($m_1 = 23,03; m_4 = 24,39; t = -2,69$). Анализ средних показателей респондентов юго-восточного региона выявил различия лишь в одном частном случае: четвертый курс более ориентирован на социализм, чем

первокурсники ($m_1 = 50,27$; $m_4 = 53,92$; $t = -2,62$). Аналогичные результаты дал анализ показателей респондентов центрального региона: различия выявлены в отношении религиозности между 2 и 3 курсами ($m_2 = 12,89$; $m_3 = 11,50$; $t = 2,43$). В группе студентов северного региона различия также выявлены лишь в двух случаях: в отношении реакционности между 1 и 4 курсами ($m_1 = 22,71$; $m_4 = 26,18$; $t = 2,13$) и в отношении пацифизма между 1 и 2 курсами ($m_1 = 25,06$; $m_2 = 22,81$; $t = 2,92$). Таким образом, у студентов, не менявших регион проживания в связи с обучением, характеристики социально-политических диспозиций не изменяются в зависимости от фактора образования.

На втором этапе исследования изучена динамика черт и диспозиций у студентов, которые изменяли регион проживания в связи с обучением. С этой целью была сформирована группа из 269 иногородних студентов 1–4 курсов, обучающихся в Минске. Анализ различий позволяет утверждать, что студенты первого и второго курсов не отличаются друг от друга, в то время как первокурсники имеют достоверно более выраженные показатели дозволенности, чем третьекурсники ($m_1 = 38,57$; $m_3 = 35,62$; $t = 2,59$) и четверокурсники ($m_1 = 38,57$; $m_4 = 33,60$; $t = 4,58$). Также студенты второго курса по сравнению со студентами четвертого курса имеют достоверно более выраженные показатели дозволенности ($m_2 = 38,45$; $m_4 = 33,60$; $t = 5,02$) и либерализма ($m_2 = 35,77$; $m_4 = 33,51$; $t = 2,41$) и менее выраженные – религиозности ($m_2 = 12,63$; $m_4 = 14,28$; $t = -2,44$). Установлена разница в выраженности диспозиции консерватизма между студентами первого и четвертого ($m_{1/ПК} = -88,67$; $m_{4/ПК} = 69,89$; $t = -2,02$), второго и четвертого ($m_{2/ПК} = 92,82$; $m_{4/ПК} = 69,89$; $t = -2,71$; $p < 0,05$) курсов; в выраженности диспозиции жесткости между студентами первого и четвертого ($m_{1/ПК} = -17,74$; $m_{4/ПК} = -25,70$; $t = 2,41$), второго и четвертого ($m_{2/ПК} = -14,45$; $m_{4/ПК} = -25,70$; $t = 4,17$) и третьего и четвертого ($m_{3/ПК} = 16,00$; $m_{4/ПК} = -25,70$; $t = 3,05$) курсов. Таким образом, у студентов, сменивших регион проживания в связи с обучением, изменяются характеристики социально-политических диспозиций в зависимости от фактора образования.

На третьем этапе проведено лонгитюдное исследование динамики характеристик черт и диспозиций у иногородних студентов БГПУ (Минск) после смены места проживания в связи с обучением. С этой целью дважды проводились контрольные срезы: в феврале 2022 г. и в марте 2024 г., – при участии 56 студентов, из которых 31 студент проживает в Минской области (не меняли регион проживания), и 25 студентов приехали на обучение из других областей (изменили регион проживания).

Анализ различий показателей диспозиций студентов в 2022 и 2024 гг. был проведен при помощи t-критерия Вилкоксона. Установлено, что у студентов, не менявших место проживания в связи с обучением, достоверно изменились (снизились) только показатели черты религиозности ($m_{2022} = 13,16$; $m_{2024} = 11,97$; $z = 2,20$). Диспозиции консерватизма и жесткости не изменились. У студентов, сменивших место проживания в связи с обучением, достоверно изменились показатели дозволенности ($m_{2022} = 40,40$; $m_{2024} = 37,08$; $z = 2,48$), либерализма ($m_{2022} = 38,60$; $m_{2024} = 36,68$; $z = 2,42$) и пацифизма ($m_{2022} = 22,96$; $m_{2024} = 24,24$; $z = 2,22$), а также диспозиции жесткости ($m_{2022} = 17,64$; $m_{2024} = -25,82$; $z = 2,76$). Показатели диспозиции консерватизма не изменились. Выявленные изменения в целом соответствуют динамическим тенденциям, наблюдаемым в выборке студентов, постоянно проживающих в Минской области.

Выводы. Диспозиции являются одним из главных компонентов, детерминирующих поведение личности и определяются социально-культурным, информационно-научным, а также идеологическим контекстом конкретной исторической эпохи, в которой эта личность развивается. На основе сходства и различий черт и диспозиций студентов можно объединить в четыре региона в зависимости от места постоянного проживания: для респондентов юго-западного региона (Брестская и Гродненская области) характерен консервативный мягкий тип; для респондентов юго-восточного (Могилевская и Гомельская области) и северного (Витебская область) регионов – радикальный жесткий тип; для респондентов центральной Минской области региона – консервативный жесткий тип. На динамику диспозиций студентов оказывает влияние фактор региона проживания, а также фактор образования – опосредованно через смену региона проживания. Фактологические данные позволяют предположить, что региональные социокультурные феномены, влияющие на студентов в период обучения в высшей школе, приводят к постепенному изменению личности в сторону характеристик, присущих носителям диспозиций в регионе обучения. Полученные в процессе эмпирического исследования результаты могут быть использованы в профессиональной деятельности психологов, а также для разработки и обоснования инновационных воспитательных моделей, обеспечивающих формирование патриотизма, гражданственности, гуманистического мировоззрения, критического мышления в условиях поликультурного общества; профилактика этно- и ксенофобии, воспитании толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – М. : ВЛАДОС, 2007. – 559 с.
2. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2008. – 607 с.
3. Дилигенский, Г. Г. Социально-политическая психология: учеб. пособие для высш. учеб. заведений [Электронный ресурс] / Г. Г. Дилигенский – М. : Наука, 1994. – 304 с. – Режим доступа: https://pedlib.ru/Books/1/0237/index.shtml?from_page=350. – Дата доступа: 07.05.2024.
4. Пушкарева, Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Г. В. Пушкарева ; МГУ. – М., 2004. – 44 с.
5. Lewis, G. J. From left to right: How the personality system allows basic traits to influence politics via characteristic moral adaptations / G. J. Lewis, T. C. Bates // *British Journal of Psychology*. – 2011. – Vol. 102, № 3. – P. 1–13.
6. Kanai, R. Political Orientations Are Correlated with Brain Structure in Young Adults / R. Kanai, T. Feilden, C. Firth, G. Rees // *Current biology*. – 2011. – Vol. 21, Iss. 8. – P. 677–680. DOI: 10.1016/j.cub.2011.03.017
7. Jost, J. Political neuroscience: the beginning of a beautiful friendship / J. T. Jost, H. H. Nam, D. M. Amodio, J. J. Van Bavel // *Advances in political psychology*. – 2014. – Vol. 35, Suppl. 1. – P. 3–42. DOI: 10.1111/pops.12162
8. Буайе, П. Анатомиа человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие / П. Буайе. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 436 с.
9. Jost, J. Political ideology as motivated social cognition / J. Jost, D. Amodio // *Motivation and Emotion*. – 2012. – Vol. 36. – P. 55–64. DOI: 10.1007/s11031-011-9260-7.
10. Айзенк, Г. Психология политики / Г. Айзенк ; пер. с англ. В. Егорова. – М. : Мысль, 2016. – 392 с.
11. Eysenck, H. J. Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party / H. Eysenck // *The British Journal of Sociology*. – 1951. – Vol. 2, № 3. – P. 198–209.
12. Eysenck, H. The Structure of Social Attitudes / H. Eysenck // *British Journal of Clinical Psychology*. – 2011. – Vol. 14 (4). – P. 323–331. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1975.tb00188.x
13. Eysenck, H. J. Primary social attitudes: a comparison of attitude patterns in England, Germany, and Sweden / H. Eysenck // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1953. – Vol. 48(4). – P. 563–568. DOI: 10.1037/h0054347
14. Бортужева, Н. Л. Валидизация русскоязычной версии опросника социально-политических позиций / Н. Л. Бортужева, А. П. Лобанов, В. П. Шейнов // *Вест. БГПУ. Сер. 1, Педагогика. Психология. Филология*. – 2021. – № 4. – С. 30–40.
15. Бортужева, Н. Л. Валидизация русскоязычной версии опросника социально-политических позиций / Н. Л. Бортужева, А. П. Лобанов, В. П. Шейнов // *Вест. БГПУ. Сер. 1, Педагогика. Психология. Филология*. – 2022. – № 1. – С. 57–64.
16. Бортужева, Н. Л. Консерватизм и жесткость как диспозиционные факторы личности: опыт эмпирического исследования / Н. Л. Бортужева, А. П. Лобанов, В. П. Шейнов // *Высэйшая школа* : навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2022. – № 3. – С. 35–39.
17. Гринкевич, О. В. Ожидаемое общество будущего в представлениях студентов Республики Беларусь / О. В. Гринкевич // *Выш. шк.* – 2018. – № 5. – С. 53–58.

REFERENCES

1. Nemov, R. S. *Psichologicheskii slovar* / R. S. Nemov. – M. : VLADOS, 2007. – 559 s.
2. Kh'yell, L. *Teorii lichnosti* / L. Kh'yell, D. Zigler. – SPb. : Piter, 2008. – 607 s.
3. Diligenskiy, G. G. *Sotsialno-politicheskaya psihologiya: ucheb. posobie dlya vysh. ucheb. zavedeniy* [Electronnyj resurs] / G. G. Diligenskiy – M. : Nauka, 1994. – 304 s. – Rezhim dostupa: https://pedlib.ru/Books/1/0237/index.shtml?from_page=350. – Data dostupa: 07.05.2024.
4. Pushkareva, G. V. *Politicheskoe povedenie: teoriya, metodologiya i prakticheskie vozmozhnosti kosnitivnogo podhoda* : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.01 / G. V. Pushkareva ; MGU. – M., 2004. – 44 s.
5. Lewis, G. J. From left to right: How the personality system allows basic traits to influence politics via characteristic moral adaptations / G. J. Lewis, T. C. Bates // *British Journal of Psychology*. – 2011. – Vol. 102, № 3. – P. 1–13.
6. Kanai, R. *Political Orientations Are Correlated with Brain Structure in Young Adults* / R. Kanai, T. Feilden, C. Firth, G. Rees // *Current biology*. – 2011. – Vol. 21, Iss. 8. – P. 677–680. DOI: 10.1016/j.cub.2011.03.017
7. Jost, J. *Political neuroscience: the beginning of a beautiful friendship* / J. T. Jost, H. H. Nam, D. M. Amodio, J. J. Van Bavel // *Advances in political psychology*. – 2014. – Vol. 35, Suppl. 1. – P. 3–42. DOI: 10.1111/pops.12162
8. Byaje, P. *Anatomiya chelovecheskih soobshchestv. Kak soznanie opredelyzet nashi bytije*. / P. Byaje. – M. : Alpina non-fikshn, 2019. – 436 s.
9. Jost, J. *Political ideology as motivated social cognition* / J. Jost, D. Amodio // *Motivation and Emotion*. – 2012. – Vol. 36. – P. 55–64. DOI: 10.1007/s11031-011-9260-7.
10. Ajzenk, G. *Psihologiya politiki* / G. Ajzenk ; per. s angl. V. Egorova. – M. : Mysl', 2016. – 392 s.
11. Eysenck, H. J. *Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party* / H. Eysenck // *The British Journal of Sociology*. – 1951. – Vol. 2, № 3. – P. 198–209.
12. Eysenck, H. *The Structure of Social Attitudes* / H. Eysenck // *British Journal of Clinical Psychology*. – 2011. – Vol. 14 (4). – P. 323–331. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1975.tb00188.x
13. Eysenck, H. J. *Primary social attitudes: a comparison of attitude patterns in England, Germany, and Sweden* / H. Eysenck // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1953. – Vol. 48(4). – P. 563–568. DOI: 10.1037/h0054347
14. Bortuleva, N. L. *Validizacija russkoyazychnoj versii oprosnika social'no-politicheskikh pozicij* / N. L. Bortuleva, A. P. Lobanov, V. P. Shejnov // *Ves. BGPU. Ser. 1, Pedagogika. Psihologiya. Filologiya*. – 2021. – № 4. – S. 30–40.
15. Bortuleva, N. L. *Validizacija russkoyazychnoj versii oprosnika social'no-politicheskikh pozicij* / N. L. Bortuleva, A. P. Lobanov, V. P. Shejnov // *Ves. BGPU. Ser. 1, Pedagogika. Psihologiya. Filologiya*. – 2022. – № 1. – С. 57–64.
16. Bortuleva, N. L. *Konservatizm i zhestkost' kak dispozicional'nyje factory lichnosti: opyt empiricheskogo issledovaniya* / N. L. Bortuleva, A. P. Lobanov, V. P. Shejnov // *Vyshejschaya shkola : navukova-metadychny i publicistychny chasopis*. – 2022. – № 3. – S. 35–39.
17. Grinkevich, O. V. *Ozhidaemoe obschestvo buduschego v predstavleniyah studentov Respubliki Belarus* / O. V. Grinkevich // *Vysh. shk.* – 2018. – № 5. – S. 53–58.